

«...Я жил в трех эпохах, и они отциснулись во мне и моих сочинениях», — писал Иван Александрович Гончаров о себе и своем творчестве. Его писательская судьба — одна из наиболее драматичных в русской литературе XIX века. Есть в ней нечто загадочное, до конца не разгаданное по сей день. Пожалуй, ни об одном писателе не высказывалось такого множества прямо противоположных мнений. В нем видели и Штольца, и Адуева-старшего, и Обломова.

Сегодня исследователи творчества Гончарова все больше говорят о философской глубине его произведений, о поразительно верном понимании глубинных процессов жизни, своеобразии и красоте мысли. Один из современных ученых сказал, выступая на гончаровском празднике в Ульяновске, что «мы стали дорастать до Гончарова».

И это не просто слова. В наше такое сложное время за яркими, колоритными образами, за бытовыми живописными сценами романов Гончарова начинаем ощущать новый глубокий смысл. Очевидно, что без учета духовного опыта автора «Обломова» и «Обрыва» невозможно полно представить не только искания русского общества прошлого века, но и понять, что происходит с нами сегодня, что ждет в будущем.

Так, не потеряла значения для нас и волновавшая писателя проблема личности и ответственности человека перед Отечеством, народом. Наиболее откровенно на эту тему Гончаров рассуждал в очерке «Необыкновенная история».

Мысль, которая на первый взгляд может показаться очень простой, легла в основу нравственно-этического идеала Гончарова. Он считал, что человек, родившийся в цивилизованном обществе, изначально является должником своего народа. Нам даром достаются плоды материальной и духовной культуры человечества, и нравственный долг каждого — включиться в процесс «продолжения истории», то есть процесс развития культуры и цивилизации своей страны.

Идею космополитизма Гончаров не принимал. «Не знаю, есть ли в этой широкой мечте о будущем, когда все народы сольются в одну семью — и не будет ни национальностей, ни патриотизма, а только одна братская общая любовь к ближнему — есть ли в ней какая-нибудь доля справедливости (не мне, «узкому патриоту», судить о том!)? Но зато тут есть огромный софизм», — признавался он в «Необыкновенной истории». В том же очерке читаем: «Надо прежде делить для своего народа, потом для человечества и во имя человечества!»

Будучи от природы челове-

ком мягким, деликатным, чрезвычайно боящимся хоть как-то оскорбить чье-либо достоинство, о людях, покидающих Отечество «в минуту роковую», Гончаров отзывался крайне жестко: «...всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан — есть преступник даже и с космополитической точки зрения! Он то же, что беглый солдат!» В

Российская газета - 1992 - 18 июля

В НЕМ ВИДЕЛИ И ШТОЛЬЦА, И ОБЛОМОВА

патриотизме писатель видел не просто высокое чувство и долг, но и практический принцип, который «должен быть присущ, как религия, как честность, как руководство гражданской деятельности». Эмиграция возможна только в том случае, если и за границей человек все силы отдает служению своему народу. Образцом такого эмигранта для Гончарова был Герцен.

Тесно связана с идеей ответственности личности перед народом мысль Гончарова о нравственном долге каждой нации перед всем человечеством. В своем развитии нация пользуется плодами общечеловеческой культуры. Для того чтобы возратить долг, необходимо внести нечто новое в общечеловеческую цивилизацию: «Чем глубже будет след, оставленный нацией, тем более народ исполнит свой долг перед человечеством». Сейчас невозможно дать четкое определение той задачи, которую, по мысли Гончарова,

должна была решить Россия. Возможно, он и не хотел подобных формулировок, или, может быть, мы не до конца осмыслили позицию писателя.

Писатель с тревогой наблюдал усиливавшуюся социальную и моральную разобщенность российского общества. Он с болью отмечает стремление «верхов» оторваться от «низов», свойственное им пренебрежение к родному языку, к национальной культуре. Отмечая разобщенность, предупреждает, что борьба групп, не желающих понять друг друга, ведет к катастрофам и трагедиям. Такая борьба, считал Гончаров, — прямая дорога к обрыву.

Попытки повлиять на формирование единства общества он предпринимал и в романах, и в очерках 70—80-х годов. Нельзя сказать, что у писателя совсем не было единомышленников. Например, в мае 1874 года он первым в России высказался за необходимость создания национального русского музея живописи, и эту мысль восприняли Третьяковы. Впоследствии Гончаров оказывал им содействие в создании такой ныне знаменитой галереи. И все-таки основная часть русского общества не восприняла идеи Гончарова. И, наверное, нам сейчас важно прислушаться к голосу писателя, его мыслям, его идеям — на первый взгляд, таким неброским, простым, но идущим от реальной жизни, от мудрого понимания ее глубинных процессов.

Антонина
ЛОВКАРЕВА,
старший научный
сотрудник музея
И. А. Гончарова.

Ульяновск.

17 июня, в канун юбилея писателя, единственный в мире музей Гончарова отметил свое 10-летие. В этом доме, где родился Иван Александрович, собрались участники Международной конференции гончаровистов, потомки близких родственников писателя, почитатели его творчества. День рождения Гончарова будет отмечен большим концертом-посвящением в общественно-политическом центре Ульяновска. XIV гончаровский праздник по традиции пройдет в ставшей знаменитой благодаря роману «Обрыв» Винновской роще, где к 100-летию со дня рождения писателя, в 1912 году был установлен памятник.